

УДК 316(438)(091)

ОТКРЫТЫЙ МАРКСИЗМ И ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ: РОЛЬ ЮЛИАНА ХОХФЁЛЬДА И ЗИГМУНТА БАУМАНА

ЕЖИ ВЯТР^{1), 2)}

¹⁾Европейская высшая школа права и управления,
ул. Гродзенска, 21/29, 03-750, г. Варшава, Польша

²⁾Варшавский университет, пр. Краковское Предместье, 26/28, 00-927, г. Варшава, Польша

Посвящена послевоенному периоду развития польской социологии, ренессанс которой приходится на середину 1950-х гг. и в этом смысле на десятилетие опережает советский опыт возрождения социологического знания. В центре внимания – ключевые идеи концепции открытого марксизма Юлиана Хохфёльда, вошедшего в анналы истории социологии своей попыткой отхода от ортодоксального марксизма и разработкой принципов демократичного и гуманного варианта социализма. Параллельно тщательному анализу подвергаются идеи обновленного марксизма Зигмунта Баумана – первого автора полного курса лекций по теории социологии, способствовавшего утверждению университетской социологии в послевоенной Польше, а также становлению дисциплины «Социология политики». Представленный в статье ретроспективный анализ истории польской социологии расширяет горизонты понимания методологических истоков формирования польской социологической школы.

Ключевые слова: ренессанс социологии; открытый марксизм; методологический вызов; политический реализм; демократический вариант социализма; социологическая школа; ортодоксальный шаблон; парламентский путь к социализму; революционный путь к социализму; социология политики; академические свободы.

Образец цитирования:

Ежи Вятр. Открытый марксизм и возрождение социологии: роль Юлиана Хохфёльда и Зигмунта Баумана // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 138–145.

For citation:

Jerzy Vyatr. Open Marxism and revival of sociology: the role of Julian Hochfeld and Zygmunt Bauman. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 138–145 (in Russ.).

Автор:

Ежи Вятр – доктор социологии, почетный ректор¹⁾, почетный профессор²⁾.

Author:

Jerzy Vyatr, doctor of sociology, honorary rector^a, honorary professor^b.
zhanna0607@mail.ru

OPEN MARXISM AND REVIVAL OF SOCIOLOGY: THE ROLE OF JULIAN HOCHFELD AND ZYGMUNT BAUMAN

JERZY VYATR^{a, b}

^aThe European Higher School of Law and Management, 21/29 Grodzieńska Street, Warsaw 03-750, Poland

^bUniversity of Warsaw, 26/28 Krakowskie Przedmieście Avenue, Warsaw 00-927, Poland

The article is dedicated to the post-war period of the development of Polish sociology, the renaissance of which falls on the mid-1950s and in this sense it is for a decade ahead of the Soviet experience of the sociological knowledge revival. The focus is on the key ideas of the conception of open Marxism of Julian Hochfeld who entered the annals of the history of sociology by his attempt to move away from orthodox Marxism and development of the principles of a democratic and humane version of socialism. In parallel, the ideas of the renewed Marxism of Zygmunt Bauman, the first author of a full course of lectures on the theory of sociology that promoted the adoption of university sociology in post-war Poland, and formation of Sociology of Politics as a discipline, are subjected to thorough analysis. The retrospective analysis of the history of Polish sociology presented in the article expands the horizons of understanding the methodological origins of the formation of the Polish sociological school.

Key words: renaissance of sociology; open Marxism; methodological challenge; political realism; democratic version of socialism; sociological school; orthodox template; parliamentary path to socialism; revolutionary path to socialism; Sociology of Politics; academic freedoms.

Польская социология, единственная из всех стран социалистического лагеря, 60 лет назад в условиях частичной либерализации после знаменитого октябрьского заседания Центрального комитета Коммунистической партии (1956) с триумфом вернулась в университеты. Это было возвращение сложившихся еще до войны принципов – как в теоретическом, так и в личностном плане. Главную роль в этом ренессансе играли ученики, которые начинали свою научную карьеру перед войной, а уже в послевоенный период создали сильные социологические сообщества в Варшаве (Станислав и Мария Оссовские, Стефан Новаковский), Лодзи (Юзеф Галасинский, Ян Шчепанский), Кракове (Казимир Добровольский, Павел Рыбицкий). Для них и их учеников возвращение социологии попросту означало возможность продолжения работы, прерванной годами ранее.

По-другому сложилась ситуация для группы марксистских социологов, сосредоточенных вокруг Юлиана Хохфельда (1911–1966) – сначала в Институте исторического материализма, а с 1957 г. – на кафедре социологии политических взаимоотношений Варшавского университета. Для этой группы ренессанс социологии стал методологическим вызовом. Это было связано с необходимостью пере-

осмысления отношения марксизма к социологии, ведь еще совсем недавно она позиционировалась в качестве буржуазной дисциплины.

Именно так можно охарактеризовать контекст формирования в Польше среды марксистских социологов, работы которых были встречены с живым интересом иностранными социологами, точно так же, как и с острой критикой со стороны марксистских ортодоксов. Автор статьи принадлежал к этой группе, поэтому содержание материала во многом является личным отношением. Говоря об этом отношении, мы сосредоточиваемся в первую очередь на роли, сыгранной двумя самыми главными личностями этой группы – Ю. Хохфельдом и Зигмунтом Бауманом (1925–2017). Первый был нам примером – равным образом как в научной работе, так и в формировании отношения к явлению, названному благодаря ему открытым марксизмом. Второй ученый – наиболее яркий и интеллектуально плодотворный – очень быстро стал одним из главных представителей этой школы вместе с Ю. Хохфельдом, а после отъезда последнего в Париж (1962) – ее неформальным лидером. Нужно также отметить, что всесторонний анализ достижений школы Ю. Хохфельда заслуживает отдельной публикации.

Наследие Ю. Хохфельда

Среди знаменитых социологов, руководивших социологическими площадками после 1956 г., когда социология вернулась в польские университеты, Ю. Хохфельд занимал особое положение. Он уже имел опыт политической деятельности на высоком уровне в качестве ведущего теоретика Польской партии социалистов (ППС), посла сейма, а также главного редактора изданий *Przegląd Socjalistyczny* («Социалистический обзор») и *Robotnik* («Рабочий»).

На путь политики он вступил очень рано и быстро стал известным и достаточно авторитетным политиком-социалистом. В предвоенной ППС принадлежал к левому крылу и выступал практически до московских процессов за сотрудничество с коммунистами. Был единственным из социалистов, кому разрешили после Ялтинской конференции вернуться из Великобритании в страну и включиться как в деятельность ППС, так и в государственную работу.

В предисловии к изданному в 1946 г. собранию публичных выступлений он писал: «Из двух неотъемлемых атрибутов современного социализма – гуманизма и реализма – в этой книге акцент сделан на реализме» [1, S. 5]. Он искренне считал, что Польше, прошедшей через тяжелый опыт войны, необходим политический реализм. В этом он был не одинок, за реализм в это время ратовало также католическое сообщество, сформировавшееся вокруг издания *Tygodnik Powszechny* («Всенародный еженедельник»). Однако социалистический реализм Ю. Хохфёльда отличало то, что он был уверен в возможности реализации принципов социалистического гуманизма в тех условиях, которые тогда существовали. Было ли это проявлением наивности, ошибочной оценки создавшейся в Польше ситуации? Мы не рассматриваем это в таком ключе. После возвращения в страну на встрече со студентами – активистами ППС Ю. Хохфёльд открыто говорил о том, что Польша войну проиграла и что нужно делать максимум из того, что можно в сложившихся условиях. У него не было иллюзий в отношении отправившей его в тюрьму (на счастье, ненадолго) сталинской системы. Вернувшись в страну, Ю. Хохфёльд не ждал легкой жизни или быстрой карьеры. Отлично образованный, он был в хороших отношениях с наиболее авторитетными представителями британской партии лейбористов (в этом автор статьи смог убедиться во время первого пребывания в Англии, когда письма от Ю. Хохфёльда открыли возможность контактов со многими известными парламентариями-социалистами). Он имел все условия для интересной и комфортной жизни на Западе, но избрал иную, полную риска дорогу, потому что видел в этом свой долг перед Польшей. Ю. Хохфёльд рассчитывал, скорее всего, на то, что «польская дорога к социализму» пройдет вне советского господства. Ее реализация означала создание отличного от советской системы, более демократичного и гуманного, варианта социализма. В качестве доказательства этого может выступать дискуссия о социалистическом гуманизме. Именно Ю. Хохфёльд вместе с Яном Стжелецким был основным теоретиком этой идеи [2]. Обострение международной ситуации, начало холодной войны и требования подчинения государств Центрально-Восточной Европы Советскому Союзу привели к тому, что этим надеждам сбыться было не суждено, по крайней мере в первые послевоенные годы. Нужно, однако, помнить, насколько существенным был вклад активистов ППС в перемены «Гомулковской оттепели» (1956). Социалисты имели в Коммунистической партии Польши гораздо больший авторитет, чем их соратники в других государствах советского блока. Особенно это касается Юзефа Цыранкевича, который своим личным решением обеспечил реформаторскому большинству поддержку Корпуса внутренней безопасно-

сти, а также Оскара Ланге, Адама Рапацкого, Генриха Яблонского и самого Ю. Хохфёльда. В том, что Польша порвала со сталинизмом и стала на много лет одним из наименее репрессивных государств советского блока, есть явная заслуга социалистов и Ю. Хохфёльда.

Это не означает, что в послеоктябрьской Польше его политическая карьера строилась абсолютно беспрепятственно. Очень быстро оказалось, что его постулаты постепенного углубления либеральных перемен не соответствуют политике правительства Владислава Гомулки. В 1959 г. Ю. Хохфёльд был освобожден от должности директора Польского института международных отношений, на которую был назначен двумя годами ранее. Через пару лет он получил должность директора от ЮНЕСКО. Это в определенной мере было попыткой решить ситуацию, при которой отсутствовали возможности реализации принципов углубления демократизации. Также он не хотел (в отличие от своих коллег) занять позицию открытой критики политического руководства страны, потому что считал, что делает для Польши все возможное. На ситуацию он смотрел с точки зрения политического реализма.

Чем меньше он имел возможностей для реализации политических амбиций, тем больше энергии вкладывал в преподавательскую и исследовательскую деятельность. К академической работе Ю. Хохфёльд приступил в 1948 г., после того как сопротивление объединению ППС и Польской рабочей партии привело его к устранению от ведущих политических функций. В 1951 г. он стал профессором Варшавского университета, автор настоящей статьи был его студентом. Даже в эти темные для науки времена Ю. Хохфёльд смог придать своей дидактике характер, далекий от ортодоксальных шаблонов. Всплывает в памяти подготовленный нами по книге Франца Боркено реферат: профессор одолжил книгу из собственной библиотеки. Наверное, это были единственные семинары на восток от Лабы, где упоминались работы ведущих западных социологов без идеологической твердолобости. Ю. Хохфёльд был знаменитым преподавателем, любимым и высоко ценимым студентами. Он также был инициатором исследований мемуаров рабочих, а через несколько лет инициировал эмпирические исследования сознания нового рабочего класса. Программа была представлена в августе 1956 г. на Третьем мировом социологическом конгрессе в Амстердаме, инициатива встретила живой интерес западных коллег.

В предшествовавший «Гомулковской оттепели» период польского сталинизма Ю. Хохфёльд оказался в достаточно трудной ситуации: ему самому пришлось идти на компромиссы, о которых он потом жалел. На пленарном заседании Коммунистической партии Польши в ноябре 1949 г. он выступил с уничтожающей самокритикой

и косвенно приобщился к критике линии В. Гомулки. В одной из статей, опубликованной на страницах *Myśli Filozoficznej* («Философская мысль»), – здесь он занимал должность заместителя главного редактора – философ сурово и несправедливо атаковал работу Ю. Галасинского и С. Оссовского, посвященную проблематике народа. Это отразилось на его отношениях с вышеупомянутыми учеными, а именно с Ю. Галасинским, однако не коснулось их учеников. Оценивая по прошествии многих лет этот род публикаций, нужно учитывать масштабы репрессий и даже физической опасности, которая угрожала людям той политической формации, из которой происходил Ю. Хохфёльд.

Начало послесталинской «оттепели» застало Ю. Хохфёльда в сейме и университете. В это время он развил достаточно активную деятельность, выступая за демократизацию системы. Осенью 1956 г. в преддверии октябряского заседания Коммунистической партии Польши он выступил с докладом в Королевском институте международных отношений с идеей о двух дорогах к социализму – британской и польской. Польский перевод появился уже после смерти автора (1982). Лондонское выступление было очень важным, но недооцененным вкладом в теорию социалистических изменений. Так, Ю. Хохфёльд утверждал, что демократизация социалистических государств может привести к сближению «двух путей к социализму» – парламентского и революционного. С точки зрения ортодоксального коммунизма это было очевидной ересью.

Одним из наиболее важных последствий изменений, происшедших в Польше в 1956 г., было значительное расширение академических свобод. Проявилось это в реабилитации социологии, которая все еще рассматривалась в других социалистических государствах (кроме Югославии) в качестве буржуазной науки. Ю. Хохфёльд вместе с М. и С. Оссовскими в Варшаве, К. Добровольским в Кракове, Ю. Галасинским и Я. Шчепанским в Лодзи представлял пионеров возрождения польской социологии. Ю. Хохфёльд отличался от них по возрасту (только Я. Шчепанский был моложе на два года), уровнем образования (был единственным ученым с образованием в области права и политологии, а не социологии), а также высоким уровнем политической деятельности. У него был талант собирать вокруг себя множество учеников, из которых в дальнейшем выросла польская школа социологии политики. Институциональным выражением этой школы было создание в Варшавском университете кафедры социологии политических отношений. Из школы Ю. Хохфёльда вышли социологи, сыгравшие важную роль в становлении польской науки, прежде всего З. Бауман, которому предстояло стать одним из самых знаменитых польских социологов. Также следует упомянуть Марию Гиршович, Алек-

сандру Ясинскую-Каню и Владимира Весоловского. Эту школу объединяли общность темы исследований, ценностная система, политические взгляды и, конечно, личность учителя, который был для всех не только проводником в научной работе, но и другом с огромным авторитетом. Издававшийся в 1958–1968 гг. журнал *Studia Socjologiczno-Polityczne* («Социологические и политические исследования») был единственным специализированным изданием среди периодики в области социологии политики того времени даже в международных кругах. Школа польской социологии политики имела отделения в других учебных заведениях, а именно: в Ягеллонском университете, Институте философии и социологии Польской академии наук, Военной академии и (на короткое время) в Высшей школе общественных наук при ЦК Коммунистической партии Польши. Эти отделения действовали под руководством учеников Ю. Хохфёльда и оставались в тесных отношениях с материнской кафедрой. В те времена это было уникальным явлением для социологии.

Мы были не только учениками и коллегами философа, но также его друзьями. Этот элемент личной связи имеет, на наш взгляд, значение для понимания того явления, какой была школа Ю. Хохфёльда. В польской социологии были ученики со значительно большим вкладом в науку, но, кроме Я. Шчепанского, они не создали ни одной научной школы с такими четкими очертаниями, как школа Ю. Хохфёльда. Автор данной статьи сам вышел из нее, и по отношению к ней осталось чувство огромного долга и благодарности. Ю. Хохфёльд был примером ученого, проводящего исследования не только для чистого познания, но и для изменения реальности; показал, как можно связать научную работу с государственной деятельностью; привил ученикам определенный этос науки, показав, что она должна служить на благо общества. В этой аксиологии мы видим общую черту всех исследований школы Ю. Хохфёльда.

Разрабатывая фундаментальные принципы социологии политики в Польше, Ю. Хохфёльд был в то же время единственным инициатором международного сотрудничества в этой области науки. Когда в 1960 г. появился (в рамках Международной социологической ассоциации) Комитет социологии политики, ученый был его единственным основателем. Здесь необходимо обозначить состав первой группы комитета, чтобы показать, в каком окружении были сделаны первые шаги в этой области [3]. В первый состав входило 17 человек (не более чем по два представителя каждой страны). Это были Джино Джермани (Аргентина), Эрик Аллардт (Финляндия), Раймонд Арон (Франция), Отто Штаммер (Германия), Шмуэль Н. Эйзенштадт (Израиль), Джованни Сартори (Италия), Штейн Роккер (Норвегия),

Юлиан Хохфёльд, Ежи Вятр (Польша), Хуан Линц (Испания), Роджер Жиро (Швейцария), Марк Адамс, Роберт Т. Маккензи (Великобритания), Моррис Яновиц, Сеймор Мартин Липсет (США), Радомир Лукич (Югославия). Автор статьи обязан Ю. Хохфёльду за то, что имел возможность быть в этом кругу, своеобразном интеллектуальном «доме» много лет.

Иницируя появление в Польше сообщества социологии политики, Ю. Хохфёльд акцентировал внимание на особой роли марксизма как лучшей теории для интеграции в отношении целого ряда политических наук. Именно поэтому марксизм в интерпретации ученого представляет особый интерес.

Ссылаясь на своего любимого автора Казимира Келлес-Крауза, Ю. Хохфёльд использует понятие «открытый марксизм». Эта открытость, по нашему мнению, состоит из трех элементов. Во-первых, это трактовка всех утверждений марксизма как требующих верификации в качестве научных, а не квазирелигиозных догматов, принимаемых благодаря авторитету исследователя, что было характерно для раннего марксизма-ленинизма, а также следов этого явления в официальном марксизме Второй мировой войны (критика ревизионизма Эдварда Бернштейна). Во-вторых, готовность ассимилировать и выдержать научную критику идей немарксистской мысли, что, в свою очередь, требует отказа от искусственного раздела на марксистскую и буржуазную социологию. В-третьих, готовность к обогащению и изменению марксистской теории в свете новых фактов, что обосновало необходимость эмпирических социологических исследований. Исследования эти сами по себе не являются ни марксистскими, ни антимарксистскими – их место в сформулированной Ю. Хохфёльдом программе открытого марксизма логически вытекало из признания необходимости обогащения теории познания новыми социальными явлениями.

Программа открытого марксизма является важнейшим вкладом Ю. Хохфёльда в польскую и мировую научную мысль. Мы разделяем точку зрения Мирослава Галубинского (автора самой полной биографии польского ученого), что это была «важная и успешная попытка защиты интеллектуальных и моральных ценностей марксизма, защита, которая реализовалась через развитие марксистской социологии благодаря ее сотрудничеству с другими направлениями социологии» [4]. Имеет ли еще значение эта концепция марксизма? Яцек Рациборски очень точно, на наш взгляд, обращает

внимание на возрождение интереса к марксистской перспективе среди молодого поколения польских социологов (особенно заметно это в кругу издания *Krytyka Polityczna* («Политическая критика»)), в этом можно увидеть отдаленное влияние и самих идей марксизма, важнейшим представителем которых в послевоенной польской науке был Ю. Хохфёльд.

Добавим к этому собственные наблюдения. В наших работах, в том числе и неоднократно переизданном труде «Социология политики», влияние открытого марксизма значительно. Мы никогда от него не отходили независимо от неблагоприятной для марксизма политической конъюнктуры в последнюю четверть века. Именно наша книга по социологии политики сыграла определенную роль в создании социологии политики в русскоязычных странах благодаря переводу Федора Бурлацкого [5], в чем мы многократно смогли убедиться во время общения в среде русских, украинских и белорусских научных сообществ. Не без удовлетворения можем заметить, что эта дорога была вдохновлена идеями Ю. Хохфёльда о марксистской интерпретации социологии политики и сыграла определенную роль в развитии этой дисциплины к востоку от Польши.

Создавая устои социологии политики, Ю. Хохфёльд подчеркивал важность эмпирических исследований и поддерживал их, был автором пионерской работы о Польском сейме (1957), конфискованной цензурой и увидевшей свет только в 1982 г. в редактированных нами избранных работах [6]. Он также выступил с инициативой проведения социологического исследования мнений по международным вопросам. Хотя его личное участие в эмпирических проектах было скромным, следует иметь в виду то, что эмпирическая ориентация польской социологии политики, особенно среди молодого поколения, уходит корнями в методологические подходы и исследования именно Ю. Хохфёльда.

Оценивая с точки зрения исторической перспективы в 50 лет роль ученого, мы должны помнить, как быстро изменился мир. То, что мы помним о его вкладе в науку, свидетельствует о бесспорной важности, даже если количественно этот вклад был достаточно скромным. Современная социология политики, развивающаяся через споры огромного количества талантливых социологов младшего и среднего поколения, восходит к школе Ю. Хохфёльда. Это ценный капитал и основательный фундамент для сегодняшних и будущих начинаний.

Ревизионистский марксизм З. Баумана и социология политики

З. Бауман появился в офицерском мундире в Варшавском университете осенью 1952 г. Он уже имел опыт пребывания в СССР, куда попал из род-

ной Познани в начале войны, затем прошел боевой путь в рядах 1-й армии Войска Польского, был ранен под Колобжегом. После войны его дивизия вошла

в состав Корпуса внутренней безопасности и принимала участие в борьбе с польским и украинским подпольем, что ему до конца жизни (а также и после смерти) ставили в упрек сторонники декоммунизации. В это время он был убежденным коммунистом, о чем открыто говорил в интервью в конце жизни. От ортодоксального коммунизма он отошел на волне смены идей после смерти И. В. Сталина и выступления Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС о преступлениях его предшественника. Однако членом Коммунистической партии он остался до конца 1967 г., когда вышел из нее в знак протеста против усиливавшейся антисемитской кампании. Вместе с тем мы можем охарактеризовать его как представителя левых до конца жизни. В результате репрессий в Варшавском университете после студенческих протестов 1968 г. его уволили (по решению министра высшего образования) и заставили эмигрировать. В течение короткого периода он преподавал социологию в Тель-Авиве, а в 1971 г. переехал в Лидс, где до ухода на пенсию заведовал специально созданным для него Институтом социологии. Этот период его биографии выходит за рамки обсуждаемой темы, к тому же он хорошо описан во многих монографиях [7; 8].

Возвращение социологии в польские университеты было встречено с энтузиазмом. По инициативе З. Баумана была написана статья с предложением программы марксистской социологии, свободной от диктата идеологии, в котором все мы видели источник «стагнации и отступления от знания общества, рожденного под эгидой марксизма» [9]. Мы постулировали в этом тексте внимательное отношение к немарксистским подходам в социологии, открытость к предыдущим достижениям марксизма (а не их отрицание), а также опору политики строительства социализма на основе научных изысканий. Легко заметить, что на позицию автора данной статьи повлияли взгляды Ю. Хохфёльда, хотя единственным упомянутым в этом тексте социологом был С. Оссовский (применительно к статье, опубликованной в 1947 г.). Наши постулаты, с сегодняшней точки зрения почти очевидные, наткнулись на прямую атаку представителей СССР (Владимира Касьянова на страницах журнала «Вопросы философии») и Болгарии (Николая Ирибаджаква на страницах издания «Новое время»), что способствовало популяризации текста в кругах критически настроенных по отношению к официальному марксизму западных интеллектуалов.

Проблема обновления марксизма нашла отражение в публикациях З. Баумана, в том числе в его монументальном труде «Очерки марксистской теории общества» [10]. Это первый в польской литературе полный курс лекций теории социологии, инспирированный марксизмом, но абсолютно свободный от его догматической трактовки. Работа

была переведена на другие языки, а в 1966 г. вновь переиздана. Она имела огромное значение для происходящего в середине 1960-х гг. возрождения чехословацкой социологии. В предисловии автор сделал важное для темы нашей статьи заявление: «Мои теоретические взгляды формировались благодаря профессору Юлиану Хохфёльду, чье вдохновение и критика, широкие интеллектуальные горизонты и вечная творческая тревога во многом повлияли на меня» [10]. Это не было простой благодарностью. В отношениях между Ю. Хохфёльдом и З. Бауманом прослеживался интересный парадокс. Конечно, Ю. Хохфёльд был вдохновителем как для З. Баумана, так и для своих учеников. Но сам он писал мало, поэтому разработанная им методология марксистской социологии лучше всего представлена З. Бауманом.

В это же время З. Бауман пропагандировал неизвестную в Польше концепцию Антонио Грамши [11]. Итальянский философ гораздо раньше, чем его западноевропейские коллеги, например Луи Альтюссер (1918–1990), представил трактовку марксизма, предвосхитившую и вдохновившую ревизионистский подход Ю. Хохфёльда. Исследование, посвященное А. Грамши, стало важной частью реконструкции марксистской социологической теории З. Бауманом.

Тем не менее З. Бауман не ограничивал свои научные интересы только теорией марксизма. В соответствии с основным направлением школы Ю. Хохфёльда он проводил исследовательскую работу в области социологии политики (или, как мы тогда говорили, социологии политических отношений). Она была представлена двумя направлениями.

Первое направление было посвящено британскому социализму. Эта проблематика представлена в его работах на соискание степени кандидата и доктора наук. Причем одна из работ через 12 лет была опубликована на английском языке [12] и получила широкое признание среди британских социологов политики. З. Бауман использовал в ней новаторский подход, соединив две теоретические перспективы: с точки зрения классового конфликта и теории элит. Это был очень интересный пример применения открытого марксизма к исследованию эволюции британского рабочего движения как социального феномена.

Вторым направлением были исследования актива Коммунистической партии Польши и местных органов власти. Первые из них были реализованы в течение нескольких лет в Научно-исследовательском институте социологии Высшей школы общественных наук при ЦК Польской объединенной рабочей партии. Это была, насколько знаем, единственная такая площадка в социалистических странах. В 1960 г. под руководством З. Баумана был реализован исследовательский проект,

охватывающий 170 промышленных предприятий, на 36 из них использовалось анонимное анкетирование. В сумме было собрано почти 3000 ответов. Результатом этих исследований для З. Баумана был важный вывод о господстве прагматической, а не идеологической мотивации для вступления в ряды Коммунистической партии технической элиты, а также выявления наиболее идеологизированной части населения – рабочих [13; 14]. Прогностическая подлинность этих исследований была подтверждена позднее, когда рабочие массово покидали ряды Коммунистической партии Польши, в то время как интеллигенция оставалась там до самого конца. Выводы работ З. Баумана пришлось не по вкусу партийным властям, поэтому продолжать их не стали.

В эмпирических исследованиях З. Баумана и его учеников поднималась также проблематика локальной власти. Этой темой занимались ставшие впоследствии знаменитыми социологи: Якуб Карпинский, Винцент Нароек, Ядвига Станишкис и Кшиштоф Загорский. Концептуализация этих исследований была предложена З. Бауманом на страницах журнала *Studia Socjologiczno-Polityczne* («Социологические и политические исследования») [15]. В этой области ученый (а также автор статьи) работал

вместе с лабораторией социологии политических отношений Института философии и социологии Польской академии наук. Уже после ухода З. Баумана эта лаборатория участвовала в международных исследованиях, посвященных локальному лидерству в Индии, Югославии и США. Здесь сделали свои первые шаги в науку Кшиштоф Островский и Адам Пжеворский. Этот великий исследовательский проект во многом обязан З. Бауману.

К середине 1960-х гг. интересы З. Баумана явно перешли от социологии политики к социологии культуры. Он посвятил этой проблематике две книги [16; 17]. История последней, появившейся за несколько дней до смерти автора, может лечь в основу остросюжетного романа. Работа была подготовлена к печати в издательстве *Ossolineum*, но после увольнения ученого из Варшавского университета издательство разорвало с ним контракт и уничтожило весь тираж. Копия рукописи З. Баумана была перехвачена сотрудниками таможи во время эмиграции. Долгое время считали, что эта работа безвозвратно утеряна. После долгих лет Дариуш Бжезинский нашел копию, спрятанную в библиотеке философского факультета Варшавского университета ее тогдашним директором Янушем Краевским.

Наследие

Принципы польской социологии политики, основанные Ю. Хохфёльдом и З. Бауманом, были главными на протяжении долгого времени. Яцек Рачиборский точно отметил, что, хотя круг Ю. Хохфёльда как единая группа функционировал очень короткий период, «он оказал большое влияние на форму всей польской социологии» [18]. Это была самая выразительная школа в послевоенной польской идеологии как с точки зрения методологии, так и программы. Ее оригинальность происходила

из уникального соединения открытого марксизма с социологией политики. Ю. Хохфёльд и З. Бауман играли главные роли в этих двух пересекающихся областях. Смерть Ю. Хохфёльда и эмиграция З. Баумана нанесли этой дисциплине удар, но он не был смертельным. Сегодня молодое поколение социологов политики, хорошо подготовленное и известное в своей области, должно знать о том, что пришлось пережить двум великим пионерам этой дисциплины в нашей стране.

Библиографические ссылки

1. *Hochfeld J.* My socjaliści (ze stanowiska socjalistycznego realizmu). Warszawa, 1946.
2. *Grochowska M.* Strzelecki: śladem nadziei. Warszawa, 2014.
3. *Rokkan S.* International Cooperation in Political Sociology: Current Efforts and Future Possibilities // *Mass Politics: Studies in Political Sociology* / ed. by E. Allardt, S. Rokkan. New York ; London, 1970. P. 3–4.
4. *Chałubiński M.* Polityka i socjologia: studium koncepcji Juliana Hochfelda. Warszawa, 1991.
5. *Wiatr J.* Socjologija polityczeskich odnoszenj. Moskwa, 1979.
6. *Hochfeld J.* Marksizm. Socjologia. Socjalizm. Wybór pism. Warszawa, 1982.
7. *Brzeziński D.* Myślenie utopijne w teorii społecznej Zygmunta Baumana. Warszawa, 2015.
8. *Tester K., Jacobsen M. H.* Bauman Before Postmodernity: Invitation, Conversations and Annotated Bibliography. 1953–1989. Aalborg, 2005.
9. *Wiatr J., Bauman Z.* Marksizm a socjologia współczesna // *Myśl Filozoficzna*. 1957. Nr. 1 (27). S. 3–23.
10. *Bauman Z.* Zarys marksistowskiej teorii społeczeństwa. Warszawa, 1964.
11. *Bauman Z.* Wizje ludzkiego świata: studia nad spoteczną genezą i funkcją socjologii. Warszawa, 1964.
12. *Bauman Z.* Between Class and Elite: The Evolution of the British Labour Movement: A Sociological Study. Manchester, 1972.
13. *Bauman Z.* Członkowie partii i aktyw partyjny w zakładzie produkcyjnym // *Kultura i Społeczeństwo*. 1962. Nr. 4. S. 55–70.
14. *Bauman Z.* The Social Structure of the Party Organization in Industrial Works // *The Polish Sociol. Bull.* 1962. Nr. 1–2 (3–4). S. 50–64.

15. Bauman Z. Struktura władzy społeczności lokalnej // *Studia Sociologiczno-Polityczne*. 1962. Nr. 12. S. 7–30.
16. Bauman Z. Kultura a społeczeństwo. Preliminaria. Warszawa, 1966.
17. Bauman Z. Szkice z teorii kultury. Warszawa, 2017.
18. Raciborski J. Badania postaw i zachowań politycznych w kręgu Juliana Hochfelda // *Kultura i Społeczeństwo*. 1999. Nr. 4. S. 94.

References

1. Hochfeld J. [We are socialists (from the position of socialist realism)]. Warsaw, 1946 (in Polish).
2. Grochowska M. [Strzelecki: with hope]. Warsaw, 2014 (in Polish).
3. Rokkan S. International Cooperation in Political Sociology: Current Efforts and Future Possibilities. In: E. Allardt, S. Rokkan (eds). *Mass Politics Sociology*. New York ; London, 1970. P. 3–4.
4. Chalubinski M. [Politics and sociology: Julian Hochfeld's Concept Study]. Warsaw, 1991 (in Polish).
5. Wiatr J. J. [Sociology of political relations]. Moscow, 1979 (in Polish).
6. Hochfeld J. [Marksizm-sociology-socialism. Selected publications]. Warsaw, 1982 (in Polish).
7. Brzezinski D. [Utopian thought in Zygmunt Bauman's social theory]. Warsaw, 2015 (in Polish).
8. Tester K., Jacobsen M. H. Bauman Before Postmodernity: Invitation, Conversations and Annotated Bibliography. 1953–1989. Aalborg, 2005.
9. Wiatr J., Bauman Z. [Marxism and the sociology of the community]. *Mysl' Filozoficzna [Philosophical Thought]*. No. 1 (27). P. 8 (in Polish).
10. Bauman Z. [Outline of Marxist theory of society]. Warsaw, 1964 (in Polish).
11. Bauman Z. [Visions of the Human World: Studies on the Origin and Function of Sociology]. Warsaw, 1964 (in Polish).
12. Bauman Z. Between Class and Elite: The Evolution of the British Labour Movement: A Sociological Study. Manchester, 1972 (in Polish).
13. Bauman Z. [Party members and party activists in the factory]. *Kultura i Społeczeństwo [Culture and Society]*. 1962. No. 4. P. 55–70 (in Polish).
14. Bauman Z. Social Structure of the Party Organization in Industrial Works. *The Polish Sociol. Bull.* 1962. Nr. 1–2 (3–4). S. 50–64.
15. Bauman Z. Struktura władzy społeczności lokalnej. *Studia Sociologiczno-Polityczne [Sociological and Political Studies]*. 1962. No. 12. P. 7–30 (in Polish).
16. Bauman Z. [Culture and society. Preliminaries]. Warszawa, 1966 (in Polish).
17. Bauman Z. [Sketches from Cultural Theory]. Warszawa, 2017 (in Polish).
18. Raciborski J. [The Study of Attitudes and Political Behaviors in the Cult of Julian Hochfeld]. *Kultura i Społeczeństwo [Culture and Society]*. 1999. No. 4. P. 94 (in Polish).

Статья поступила в редколлегию 04.09.2017.
Received by editorial board 04.09.2017.

Перевод с польского кандидата философских наук А. И. Климович.